

Кусов Геннадий Владимирович

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья раскрывает онтологические аспекты научного познания форм бытования судебной лингвистической экспертизы - науки о языке и праве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 89-93. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. **Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации:** Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // Российская газета. 2005. № 521. 30 августа.
8. **Голев Н. Д.** Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 11-58.
9. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
10. **Кусов Г. В.** Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
11. **Потсар А.** Лингвистическая экспертиза подтверждает: закон – что дышло [Электронный ресурс]. URL: http://tv.russia.ru/video/diskurs_9973/ (дата обращения: 24.05.2011).
12. **Сутужко В. В.** Социальная оценка как объект социально-философского анализа: дисс. ... канд. философ. наук. М., 2004. 174 с.
13. **Шилихина К. М.** Коммуникативное давление в русском общении // Язык и социальная среда. Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. Вып. 2. С. 103-108.

GENERAL AND PARTICULAR TASKS OF CRIMINALISTIC SUPPORT OF LINGUISTIC EXPERTISE

Gennadii Vladimirovich Kusov, Ph. D. in Philology

Department of Political Science and Law

Kuban' State Technological University

belokurs@yandex.ru

The article reveals the range of practical problems which appear while conducting forensic linguistic expertise and describes new linguo-pragmatic models which determine the degree of the “insultingness” of the lexical units involved in legal discourse.

Key words and phrases: forensic linguistic expertise; insult diagnostics; social estimation; illocutive speech act; algorithm of insult diagnostics.

УДК 643.9

Статья раскрывает онтологические аспекты научного познания форм бытования судебной лингвистической экспертизы – науки о языке и праве.

Ключевые слова и фразы: экспертология; судебная лингвистическая экспертиза; экстралингвистические факторы; текст; концепт; дискурс; маркеры языка; скрытый смысл.

Геннадий Владимирович Кусов, к. филол. н.

Кафедра политологии и права

Кубанский государственный технологический университет

belokurs@yandex.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ[©]

Экспертология как наука – это исторически сложившаяся и непрерывно развивающаяся на основе общественной практики система знаний об экспертизе. Как междисциплинарное научное направление входит в комплекс наук о принятии решений, имеет свой понятийно-категориальный аппарат, свои общие основы и принципы, предлагает решения сложных вопросов, неразрешимых в рамках других дисциплин [16, с. 29].

В настоящее время одним из важнейших вопросов теории права является вопрос, связанный с выработкой принципов действия лингвистической экспертизы, коммуникативных конфликтов, вовлеченных в сферу следственных действий и судебного разбирательства. Постигание этих форм правосознания стоит в прямой зависимости от того, как раскрываются теоретические понятия и содержание лингвистической экспертизы.

По определению А. Н. Баранова, лингвистическая экспертиза – это активно развивающаяся социально значимая сфера деятельности. Экспертная оценка речевых материалов является ключевым моментом в деле установления обстоятельств, значимых для расследования преступлений против личности и государства, правонарушений в рамках бизнес-взаимодействий [1, с. 29]. Специальные знания лингвиста широко применяются в судебных процессах по нарушениям авторских и смежных прав, защите чести и достоинства личности, а также деловой репутации юридического лица, при расследовании уголовных дел о клевете, оскорблениях, разжигании межнациональной и религиозной розни. К лингвистической экспертизе обращаются также в случае необходимости толкования некоторых положений нормативно-правовых актов.

Цель любой судебной лингвистической экспертизы – проверка истинности либо ложности (категорические выводы), возможности или невозможности (модальные положительные и отрицательные выводы) высказываний о предмете исследования, которые вытекают из вопросов, поставленных перед экспертом. Так, при исследовании

спорного текста на предмет наличия (отсутствия) в нем негативной информации о лице проверяется истинность (ложность) утверждения «Присутствует ли в тексте негативная информация о лице?» [3, с. 52].

Задачами лингвистического исследования, с точки зрения предмета, являются следующие положения:

- толкование и разъяснение значений и происхождения слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений (идиом);
- интерпретация основного и дополнительных значений языковой единицы или единицы речи (устной или письменной);
- толкование положений текста документа для установления того, какие варианты понимания этих положений возможны в современном дискурсе;
- изучение товарных знаков, словесных обозначений, девизов, слоганов, рекламных текстов, коммерческих, фирменных наименований на предмет их тождественности или сходности до степени смешения с другими обозначениями;
- изучение текста (фрагмента) с целью выявления его смысловой направленности, модальности пропозиций, экспрессивности и эмотивности речевых единиц, их формально-грамматической характеристики и семантики, специфики использованных стилистических средств и приемов;
- объяснение употребления языкового знака с точки зрения плана содержания и плана выражения и т.д.

Функциональное назначение судебной лингвистической экспертизы регулируется нормами процессуального права и выполняет сервисные задачи, способствующие «повышению степени обоснованности принимаемых решений» [16, с. 28].

Нередко судебные лингвистические экспертизы производятся при рассмотрении дел в Конституционном суде Российской Федерации. Анализ судебной практики по делам, связанным с защитой объектов интеллектуальной собственности, показывает, что одним из самых важных доказательственных аргументов сегодня является заключение эксперта-лингвиста.

Задачи «общественной» или судебной лингвистической экспертизы – в широком смысле слова толкование текстов, интерпретация, перевод, объяснение употребления языкового знака с точки зрения плана содержания и плана выражения, установление и подтверждение авторства текста, выявление плагиата и т.д.

В исследовании лингвистической экспертизы немаловажен тот факт, что лингвистика подразделяется на «внешнюю» и «внутреннюю» [10, с. 85]. Внешняя лингвистика (социальная лингвистика, социолингвистика) анализирует язык во всем многообразии его социальных вариантов и их функций: зависимость выбора «кода» (то есть языковой системы) от общественной принадлежности носителя (классовый и профессиональный выбор, жаргон, сленг), от его региональной принадлежности (территориальный выбор) и от коммуникативной ситуации собеседников (функционально стилистический выбор). Внутренняя лингвистика (структурная) от этой социальной обусловленности отвлекается, рассматривая язык как однородный код.

В теории судебной лингвистической экспертизы как науке о языке «высшей» лингвистической единицей, «высшей реальией языка», является текст во всей его многомерности [6, с. 6]. Текст стал особым объектом изучения лингвистов лишь в XX в. До этого в традиционной грамматике основной единицей, являвшейся предметом всестороннего анализа, было предложение. Причем это было отдельное предложение, извлеченное из контекста, из всей системы его внешних связей (что могло привести к ошибкам в заключении лингвистической экспертизы). Тем не менее, исследователи не могли, в конце концов, не обратить внимания на наличие в составе предложения элементов, так или иначе указывающих на его связь с другими предложениями [9, с. 63].

Однако текст – не только грамматическое явление для экспертов. Исследуя понятие «лингвистической экспертизы», необходимо отметить, что **текстом в лингвистической экспертизе** называется лишь такой результат речетворческого процесса, который является осмысленным, соответствует ситуации, понятен для адресата. Условие, при котором достигается адекватное понимание смысла предложения, называется пресуппозиция – лингвистическое явление, которое играет особую роль в осмыслении текста при проведении судебной лингвистической экспертизы [4, с. 44]. Поэтому каждому эксперту так важно понимание трех семиотических членений (уровней, аспектов) текста – синтактики, семантики, прагматики. Синтактика определяется как отношение между знаками, главным образом в речевой цепи и вообще во временной последовательности; семантика в общем виде – как отношение между знаменителем, предметом обозначения и понятием о предмете; прагматика – как отношение между знаками и тем, кто их использует. И что особенно важно в области юридической плоскости, что в прагматике языка особенно интенсивно исследуются два центра – субъект речи и адресат речи, а также связанные с ними «точки референции», выражающиеся действительными словами, местоимениями, относительными временами глагола и т.д.

Окончание идеологического противостояния (Волкогонов, 1987; Горелов, 1976; Дешериев, 1970 и др.), которое пришлось на конец XX века, дало новый импульс в развитии российского языкознания как науке о языке – важнейшем источнике знаний не только об окружающей действительности, но и о лингвистических явлениях, как открыто вербализованных в лексической семантике, так и неявных – имплицитных, категориальных, подсознательных, концептуальных.

Обращение к ментальной сфере речевой деятельности человека в качестве предмета научного поиска стало, с одной стороны, следствием исчерпания методов исследования, представленных в работах по изучению эмоциональной стороны речи или эмотивной лингвистики, а с другой – необходимостью проведения более глубокого анализа речи *homo loquens*, «когда адресат из безропотного исполнителя воли адресанта

превратился в полноправного участника коммуникации» [13, с. 17] со своими коммуникативными правами и коммуникативными обязанностями. Хотя полностью исключать лингвистику эмоций из сферы научного внимания теории судебной лингвистической экспертизы нельзя, так как методы исследования эмотиологии стали аксиоматичными и универсальными, в силу своей очевидности и постоянной востребованности.

Эмоционально-волевая сфера человека в лингвистике была освещена со следующих позиций: «языкового выражения эмоций говорящего человека» (Шаховский, 1983), «эмоционального компонента значения слова», «эмоциональной нагрузки слова» (Рейковский, 1979; Мягкова, 1990), «коннотативного значения слова» (Говердовский, 1977), «стилистической коннотации» (Кожина, 1983), «эмоциональных и оценочных коннотативных сем» (Попова, Стернин, 1984), «компонентов семантической структуры» (Будагов, 1977), «лексико-семантических вариантов» (Вайгла, 1976), «эмотивной стилистики текста» (Киселева, 1978; Болотов, 1981), «экспрессивного синтаксиса» (Александрова, 1984), «стереотипных ракурсов изображения эмоций» (Бабенко, 1989), «вербальной агрессии» (Жельвис, 1990), «экспрессивных характеристик языкового сознания» (Дридзе, 1976; Носенко, 1976; Торсуева, 1976), «эмоциональных концептов» (Красавский, 2001), «синергетики языка» (Алефиренко, 2002).

Ментальная сфера человека – не просто одна из систем, участвующая в описании поведения человека, в том числе и речевого, она также является системообразующей структурой, объединяющей все остальные жизненно важные системы: восприятие, состояния, реакции, деятельность, желания, эмоции, речь – в одно системное целое [14, с. 2]. Составляющие «ментальную» лексику слова могут быть опознаны в своем значении не только через свою семантику, но и могут быть «восстановлены» в словах и выражениях, относящихся к субъекту, то есть человеку, связывающему слова в предложения по правилам, мотивированным социальной сущностью с позиций деонтической модальности: долга, чести, совести, морали, права, закона. Общество не случайно порождает социальные институты контроля, которые служат для его сохранения путем установления правил поведения, смысл которых сводится к тому, чтобы при удовлетворении личных потребностей и желаний не нанести урон интересам социальной группы, интересам отдельного человека, а также и своему социальному «Я». Эти «этические максимы» имеют вес только в условиях наличия «другого» человека и объективируются в межличностных отношениях, то есть в социальном контексте. Поэтому частое обращение к эмоциональным характеристикам слова оправдано также и тем, что лексическая семасиология исходит из принципиальной выделяемости слова как основной единицы лексикологического исследования [11, с. 10], а также опирается на результаты психолингвистических экспериментов, убедительно показавших, что предъявляемое испытуемым изолированное слово немедленно включается в «контекст» предшествующего опыта индивида [5, с. 167] и что, так называемое, «внеконтекстное» значение слова, как социально осознаваемый факт, всегда связано с определенными видами коммуникативных ситуаций [15, с. 108].

При этом необходимо учитывать, что в общении личность выступает в конкретных социальных ролях как член различных социальных групп и с употреблением отдельных языковых знаков связывает не только свою идентификационную эмоциональную оценку, но и этнический стереотип эмоциональных оценок, сложившийся в общении членов социальных групп и воспринятый личностью в процессе социализации.

В связи с этим возникает вопрос об адекватности и полноте лингвистических методов изучения значения слова, систематически абстрагирующихся от его экспрессивно-смысловой окраски, где как раз и зафиксированы социально-групповые эмоциональные оценки [17, с. 83]. В условиях перенесения акцента с описания абстрактной языковой системы на исследование конкретно-онтологической сущности языка [12, с. 17] и с учетом важности интегрирования знаний об эмоциональной сфере человека, полученных в рамках ряда смежных наук, все большую популярность приобретает подход, при котором слово выступает как элемент речевой (языковой) способности индивида. Такой методологический подход оправдан еще и потому, что становление опыта проявления эмоциональных переживаний и способность эмоционального воздействия речи является результатом социализации личности, обладающей универсальным кодом. Выход за рамки «классической» лингвистики необходим и потому, что требуется применение иных методов исследования, чем те, которые пока не дали возможности разносторонне и непротиворечиво описать узловые характеристики значения слова.

К решению вопросов языка права и теории судебной лингвистической экспертизы обращались многие исследователи, которые проанализировали эту проблему со следующих позиций, представляющих: этнокультурологические особенности формирования и функционирования инвективной лексики в различных лингвокультурах (Осорин, 1983; Жельвис, 1990; Топоров, 1991; Сорокин, 1994; Маковский, 1996; Успенский, 1998); теорию речевых оценочных жанров – похвалу и порицание (Бахтин, 1979; Вольф, 1985; Апресян, 1995); анализ стилистики «нонстандарта» текста (Кестер-Тома, 1993); оценку поведения человека с точки зрения эмотивной и экспрессивной лексики языка, описывающую систему «лексических оценок» (Арнольд, 1959; Бондаренко, 1972; Телия, 1980; Шаховский, 1982; Бабенко, 1989; Мягкова, 1990 и др.) и анализ «аффективной» речи (Матвеева, 1986); анализ шкалы стилистических помет и перспективы создания словаря «инвектированных смыслов» русской лингвокультуры (Шмелев, 1977; Девкин, 1979; Шаховский, 1983; Будагов, 1989; Голев, 2003); вербальную агрессию (Жельвис, 1992), коммуникативное давление (Вендлер, 1985; Шилихина, 2000; Стернин, 2003), моральное воздействие (Карасик, 2002); коммуникативный кодекс (Клюев, 1998) или аксиологический кодекс языковой личности, составляющий ценностную основу культуры общества и представляющий собой комплекс поведенческих норм общества, определяющих социальный статус человека (Карасик, 2002); анализ языка права, где при решении юридических проблем была сделана попытка раскрытия правовой природы социолингвистических явлений языка права, связанного с ведением

судебных дел по защите чести, достоинства и деловой репутации (Подлех, 1976; Малеина, 1991; Анисимов, 1992; Белянин, 1994; Горбаневский, 1997; Ратинов, 1997; Эрделевский, 2000); анализ этнокультурологических особенностей и фреймовых составляющих концептов «обида», «оскорбление» (Зализняк, 1999; Голев, 2002); анализ стратегий причинения вреда самоуважению при описании концепта «самоуважение» (Зеленова, 2003); теорию речевых иллокутивных актов (Кусов, 2004).

Специально к теме лингвистики права и теории диагностики единиц языка в конфликтных текстах при проведении судебной лингвистической экспертизы обращались лингвисты, участвующие в работе Московской Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (О. Е. Россинская, Е. И. Галяшина, А. Н. Баранов) и Барнаульской лаборатории «Юрислингвистики» (Н. Д. Голев, К. И. Бринев), которые проанализировали затрагиваемую тему со следующих позиций: использование маркированных единиц языка, вовлеченных в широкий языковой контекст социального сообщества (Сперанская, 1999; Капленко, 2002); анализ конфликтного высказывания с точки зрения интерпретатора (Гридина, 1999; Третьякова, 1999); исследование «преступного умысла» автора текста и оценки его намерений (Орлова, 1999; Сыпченко, 2000); исследование наиболее частотных тактических ходов, ведущих к нанесению обиды, издевке и оскорблению (Иссерс, 1999); коммуникативного конфликта (Третьякова, 2000); суггестивного эффекта референтных связей (Сорокин, 2000); стилистической несовместимости речевых единиц (Чернышова, 2000); алгоритма диагностики речевых единиц на основе замещения социальных оценок (Кусов, 2005).

В конце XX века понимание тесной взаимосвязи культуры и языка привело к тому, что взаимоотношения языка и культуры стали объектом пристального внимания лингвистов и исследователей культуры. Определённой вехой в разработке данного направления лингвистики стало появление новой дисциплины – лингвокультурологии, а признаком повышенного интереса к лингвокультурным концептам – появление большого количества научных исследований. Очевидно, что изучение любого **лингвокультурного концепта** как единицы языковой картины мира представляет ценность для выявления особенностей культуры и мировидения конкретной лингвокультурной общности, знание чего находит применение в сфере лингвистических исследований.

Результат лингвистической экспертизы как прецедентный текст представляет собой компонент (продукт) системы речевого взаимодействия, который достигает самостоятельного уровня познания: **дискурс** лингвистической экспертизы – язык экспертизы, в том числе и язык «вопросно-ответной конструкции».

Понятие дискурса в соответствии с наиболее известными определениями опирается на следующее положение:

1. Это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Экстралингвистический – не входящий в круг предметов, изучаемых лингвистикой, т.е. не являющийся языковой сущностью, но влияющий на язык или речь и находящийся в них свое отображение (экстралингвистические факторы изменения речи: шумное помещение; ограничения по времени; психофизическое состояние собеседников) [18].
2. Это текст, взятый в событийном аспекте.
3. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [10, с. 136].
4. Это текст, имеющий скрытый смысл (ср., скрытая модель текста; C-модель) [7, с. 39].
5. Это текст с вторичными коммуникативными целями, имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку [2, с. 443].
6. Это динамически развертывающийся контекст.

Итак, лингвистическая экспертиза является компонентом специфической системы речевого взаимодействия. Способ этого взаимодействия в дискурсе экспертизы строится по принципу «стимул – реакция» (с последовательной сменой «собеседников»), что реализуется как в отношениях участников речевого общения, так и в отношениях продуктов их взаимодействия (текстов). Указанные отношения могут быть представлены в виде «цепочки» с разными субъектами взаимодействия (автор текста – истец – юрист – лингвист) и соответствующими текстовыми продуктами (спорный текст – исковое заявление – запрос на экспертизу – экспертиза – заключение эксперта). Каждый следующий элемент второй цепочки является одновременно и реакцией на предыдущий, и стимулом для следующего элемента. В подобной речевой системе взаимодействия лингвистическая экспертиза является непосредственной реакцией (ответом) на запрос, что диктует необходимость держаться строго в рамках поставленных задач [8, с. 3].

Такая категория, как назначение лингвистической экспертизы, достаточно разработана в нормативных актах. Между тем, само содержание лингвистических экспертиз является собой довольно размытую структуру, так как каждый эксперт определяет ее для себя самостоятельно, четких границ ее проведения не определено. Необходимо продолжить работу над созданием унифицированных специфичных для судебной лингвистической экспертизы экспертных методик, основанных на общепризнанных достижениях современной теоретической и прикладной лингвистики, над разработкой специфичного для данной экспертной деятельности инструментария, продолжить теоретическую проработку возникающих на практике проблем в русле современного процессуального законодательства и общей теории судебной экспертизы.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта, 2007. 592 с.

2. Барт Р. Лингвистика текста / пер. с фр. Т. Д. Корельской // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста. С. 442-449.
3. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 148 с.
5. Залевская А. А. Об исследовании интервербальных связей: сборник докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1971. 190 с.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд. МГУ, 1998. 528 с.
7. Каменская О. Л. Текст и коммуникация: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.
8. Кириллова Л. Е. Дискурс лингвистической экспертизы и постановка экспертных задач [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusexpert.ru/index.php?idp=content&id=133> (дата обращения: 24.05.2011).
9. Левицкий Ю. А. Лингвистика текста. М.: Высшая школа, 2006. 208 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
11. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974. 201 с.
12. Мельничук А. С. Язык как развивающаяся реальная система // Диалектика развития языка (II всесоюз. науч. конф. по теорет. вопр. языкознания): тез. докл. М., 1980. С. 16-22.
13. Прибыток И. И. Дискуссионные моменты теории непрямого лингвокультур // Прямая и непрямо коммуникация: сборник науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 16-26.
14. Рябцева Н. К. Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка: языки и этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 178-183.
15. Сахарный Л. В. «Контекстное» и «неконтекстное» в восприятии лексико-семантической стороны слова // Смысловое восприятие речевого сообщения. М.: ИЯ АН СССР, 1976. С. 107-114.
16. Сидельников Ю. В. Системный анализ технологии экспертного прогнозирования. М.: МАИ, 2007. 453 с.
17. Тарасов Е. Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5-147.
18. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: методические рекомендации / под ред. В. Ф. Статкуса. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 62 с.

ONTOLOGICAL ASPECTS OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Gennadii Vladimirovich Kusov, Ph. D. in Philology
Department of Political Science and Law
Kuban' State Technological University
belokurs@yandex.ru

The article reveals the ontological aspects of the scientific cognition of the existence forms of forensic linguistic expertise – the science about language and law.

Key words and phrases: expertology; forensic linguistic expertise; extra-linguistic factors; text; concept; discourse; language markers; hidden sense.

УДК 32

Статья посвящена анализу действующих в настоящее время в Российской Федерации нормативно-правовых актов, содержащих понятия «молодёжь» и «молодёжный» с целью определения термина «молодёжное общественное объединение», а также критериев, отличающих молодёжные общественные объединения от детских и «взрослых».

Ключевые слова и фразы: молодёжь; общественное объединение; молодёжное общественное объединение; ювенология; государственная поддержка молодёжных и детских общественных объединений.

Анна Михайловна Лагуткина
Кафедра политологии
Астраханский государственный университет
inspire2@rambler.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА «МОЛОДЁЖНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ» В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[©]

В настоящее время понятия «молодёжь» и «молодёжный» встречаются в 14 законодательных актах, принятых в Российской Федерации. Среди них Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» [8], Трудовой кодекс РФ [13], Налоговый кодекс РФ [4], Федеральные законы